

К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВО-СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Художественный текст как эстетическое грамматико-смысловое целое, являясь кодом высшего уровня, обладающим возможностью включать в себя множество других кодов, предполагает проведение тщательного семиотико-лингвистического анализа. Это становится особенно актуальным при обращении к современным художественным текстам, в которых автор часто создает несколько художественных реальностей, опирающихся на особые символические группы.

В современном мире интерпретация состояний реальности в поиске возможных смыслов приобретает характер игры со значением. Результат интердиалога говорящих и воспринимающих в литературно-художественном, публицистическом, политическом, социальном и прочих макро- и микроконтекстах реализуется в своеобразном семантическом взрыве. Навязываемые реципиенту тексты-трансформаторы предпосылок приводят к мультипликации значения. Его истинность или ложность как таковая лишается значимости; каждая семантическая вариация подкрепляется стратегиями, которые выстраивают свою парадигму реальности. Множество оценок того или иного явления предполагают ссылку на нечто постоянное, не меняющееся, однако предполагающее множество толкований. Таким абсолютным референтом становится знак – означающее – символ или эмблема. «...отличия эмблемы от символа разительны и бросаются в глаза уже чисто визуально (символ – абстрактный знак, эмблема – изображение конкретного объекта)» [Похлебкин, 2006: 10].

В этом заключается семантический парадокс, когда означающее и означаемое – знак и смысл – меняются местами в позиции референта, которым становится знак.

Нами было проведено анкетирование тридцати носителей английского и ста носителей русского языка, которое принесло следующие результаты. Анкета состояла из семи пунктов, по которым требовалось охарактеризовать, чем для испытуемого являлись следующие позиции: Эйфелева башня, Священный Грааль, обручальное кольцо, картины Леонардо да Винчи, еги-

петские пирамиды, автомобиль «Mercedes». Исследование показало, что в 76% случаев под содержанием понятия испытуемые подразумевали не денотат, относящийся к «истинному референту», но новый знак как символ или эмблему. Так, Эйфелева башня воспринимается испытуемыми отнюдь не как телевизионная антенна, но, в первую очередь, как эмблема, выражающая идею восприятия Франции как государства и Парижа как его столицы; Священный Грааль – как воплощение тайны, обручальное кольцо – как указание на замужество, верность и ответственность. Картины Леонардо да Винчи, вероятно, в свете прочтения современных художественных произведений, определяются через лексемы «загадка», «тайна», египетские пирамиды становятся эмблемой Египта, автомобиль «Mercedes» перестает быть средством передвижения и воплощает роскошь, престиж. Ответы носителей разных языков, как и ожидалось, не имеют существенных различий. Эмблема обладает узнаваемостью, она интернациональна. Так, по негласной договоренности, настоящая Эйфелева башня в информационной реальности существует прежде всего как условность, традиционно напоминая об одной из достопримечательностей Парижа.

Более сложный механизм замены означающего означаемым наблюдается в современных художественных текстах, авторы которых нередко применяют особые семиотические стратегии для создания нескольких внутритекстовых парадигм, по которым возможно развитие текста.

Отнесение проблемы текста как кода к одной из проблем современной лингвистики не вызывает сомнений. Р. Барт, обращаясь к Соссюровской традиции, писал, что «язык — это институция, абстрактный комплекс правил; речь — сиюминутная часть этой институции, которую индивид берет из нее и актуализирует ради нужд коммуникации; язык выделяется из массы произносимых слов, но вместе с тем каждое слово речи само черпается из языка; в истории это диалектика структуры и события, а в теории коммуникации — диалектика кода и сообщения» [Барт, 2004: 52].

Очевидно, что для прочтения сообщения следует расшифровать код. Процесс дешифровки кода в семиотическом и грамматическом плане следует считать анализом текста.

В исследованиях по семиотике текста, объединенных в книгу «Роль читателя», У. Эко вводит понятие энциклопедической ком-

петенции — сложной системы кодов и субкодов, содержащейся в языке, на котором написан текст. Согласно У. Эко, читатель сравнивает линейную манифестацию текста с известной ему системой кодов, «узнает» тот или иной сценарий или фрейм и достигает или не достигает изотопии, необходимой для адекватного прочтения текста. Добавим, что, по нашему мнению, читатель к тому же верифицирует ценностные основания концептов текста. В случае, если они не согласуются с его собственными аксиологическо-концептуальными установками, происходит либо неприятие концептуальной парадигмы текста вплоть до отказа от текста, либо перестроение концептосферы самого читателя. Безусловно, во многом это зависит от различных интерпретаций текста и его «правильного» или «неправильного» понимания.

Мы предполагаем, что процесс понимания текста имеет языковую природу. Каждое предложение в тексте представляет собой комплекс пропозиций, элементы которых и взаимоотношения между которыми интегрируются читателем/реципиентом в уже существующую в его сознании семантическую сеть. Интеграция в этом смысле, вероятно, происходит одновременно, или почти одновременно, на всех уровнях (узнавание сценария, верификация наполнения слотов, подтверждение фрейма и концептуальной основы).

Сценарии, фреймы и сами концепты создаются особой знаковой сетью, значимыми узлами которой могут стать символы. В этой связи необходимо разграничить понятия знака и символа, определяемые в ряде источников посредством друг друга.

Многообразие дефиниций «знака» и «символа», их определение через друг друга не может не затруднять исследование, часть которого занимает семиотический анализ. Ю.М. Лотман подчеркивает, что «символ» — одно из самых многозначных понятий в системе семиотических наук, а выражение «символическое значение» широко употребляется как простой синоним знаковости [Лотман, 2004: 240].

В целях выявления непротиворечивых определений мы прежде всего провели анализ словарных дефиниций знака и символа, а затем обратились к работам ведущих семиологов и теоретиков языка.

Так, в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой указано, что знак — «показатель, выразитель данного языкового

значения» [Ахманова, 2004: 158], а символ – «знак, связь (связанность) которого с данным референтом является мотивированной» [Ахманова, 2004: 404]. Мотивированность, по-видимому, должна объясняться сходством символа как обозначающего элемента и референта, которого он обозначает.

В Словаре лингвистических терминов Ж. Марузо приведено следующее определение знака: «это слово употребляют обычно для обозначения видимого процесса сообщения мысли <...> В более специальном смысле так именуют процесс, посредством которого понятие, означаемое, представлено в звуковом образе, означающем» [Марузо, 2004: 111]. Под «процессом сообщения мысли» Ж. Марузо имеет в виду, скорее всего, коммуникативную ситуацию отправителя сообщения и реципиента-интерпретатора, осуществляющего дешифровку того или иного знака. В любом случае для того, чтобы встретиться с означаемым, придется взглянуть на означающее, которое как будто выполняет роль указывающей на направление стрелки.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре языковой знак традиционно определяется как «материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 167]. Этой точке зрения созвучно определение Р. Барта: «Знак — это соединение означающего с означаемым» [Барт, 2004: 248]. По нашему мнению, данное традиционное определение отличается излишней философичностью и может быть понято противоречиво. Сам по себе знак не может быть материально-идеальным, так как сам по себе не несет значения, а лишь указывает на него: «Ни в самих вещах, фактах, событиях, явлениях, ни в их связях и зависимостях, взаимодействиях не может быть ни грана значения. Оно появляется только тогда, когда эта связь осознается кем-то как способ и для целей ориентации в мире» [Никитин, 1996: 23]. «Знак отнюдь не является чем-то двойственным, он не дубликат обозначаемой им вещи, существующий параллельно с ней, он не самостоятелен, а зависим» [Юнгер, 2005: 91]. Заметим, что еще М. Мински, высказываясь о природе знаковости/символичности, приходил к следующему выводу: «names and symbols, like analogies, are only partial truths; they work by taking many-leveled descriptions of different things and chopping off all of what seem,

in the present context, to be their least essential details—that is the ones which matter least to our intended purposes. But still, what matters—when it comes to using such a thing—is that whatever symbol or icon, token or sign we choose should re-mind us of the use we seek» [Minsky, 1984: <http://web.media.mit.edu/~minsky/papers/TrueNames.Afterword.html>]. Значение, таким образом, проявляется при узнавании: воспринимающий узнает знак и ассоциативно связывает его с каким-либо референтом. Референт, в свою очередь, отсылает воспринимающего-интерпретатора уже ко многим знакам, составляющим определенный сценарий, фрейм, имеющим ядром один или несколько концептов.

В целях тщательного анализа дефиниций нами были исследованы статьи, посвященные знаку и символу, данные в философских словарях. Следует прокомментировать, что определения знака и символа, приведенные ниже, не являются сугубо философскими, но, напротив, лингвистическими. Философы, цитируемые в интересующих нас статьях, были прежде всего лингвистами, теоретиками языка (Ф. де Соссюр, Ч.С. Пирс, Ч. Моррис, Р. Якобсон, Ж. Пиаже, Р. Барт и др.), и в настоящее время их взгляды на строение языка широко и продуктивно используются современными лингвистами и семиотиками. Парадоксально, но наиболее ярко языковые исследования освещены именно в философских лексикографических источниках.

Известный философский словарь, основанный лексикографом Г. Шмидтом, представляет знак как «то, что заменяет другое, указывает на другое. Знак есть предмет, благодаря представлению которого вновь осознается другое представление, связанное у думающего с первым. Представление, возникшее в сознании благодаря знаку, есть значение знака; представление, слившееся со своим значением в некоторое внутреннее единство, есть символ» [Философский словарь, 2003: 164-165]. В отдельной статье о символе указано, что он воплощает какую-либо идею, причем он есть «образование, которому определенная группа людей придает особый смысл, не связанный с сущностью этого образования» [Философский словарь, 2003: 404].

В русской лексикографической традиции философского словаря знак традиционно трактуется как «материальный чувственно воспринимаемый предмет, событие или действие, выступающее в познании в качестве указания, обозначения или представи-

теля другого предмета, события, действия, субъективного образования» [(Философский словарь, 1968: 120) (можно сравнить с определением из Новейшего философского словаря: «знак — чувственно воспринимаемый предмет, выступающий в познании в качестве указания, обозначения другого предмета, события, действия, субъективного образования. Предназначен для хранения, преобразования и трансляции определенной информации» [Новейший философский словарь, 2003: 391]. Что касается символа, то он представляет собой «в широком смысле понятие, фиксирующее способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать (в контексте социокультурных аксиологических шкал) идеальные содержания, отличные от их непосредственного чувственно-телесного бытия. Символ имеет знаковую природу, и ему присущи все свойства знака. Однако, если, вслед за Гадамером, сущностью знака признать чистое указание, то сущность символа оказывается большей, чем указание на то, что не есть он сам. Символ есть не только наименование какой-либо отдельной частности, он схватывает связь этой частности с множеством других <...> Символ создает собственную многослойную структуру, смысловую перспективу, объяснение и понимание которой требует от интерпретатора работы с кодами различного уровня» [Новейший философский словарь, 2003: 899].

Дефиниции из логических словарей можно свести к следующим определениям: «Знак — материальный чувственно-воспринимаемый объект, который символически, условно представляет и отсылает к обозначенному им предмету, явлению, действию или событию, свойству, связи или отношению предметов, явлений, действий или событий, сигнализирует о предмете, явлении, свойстве и т.п., который им обозначается» [Логический словарь-справочник, 1976: 182]. «Символ — условный чувственно-воспринимаемый объект, вещественный, письменный или звуковой знак, которым человек обозначает какое-либо понятие (идею, мысль), предмет, действие и событие» [Логический словарь-справочник, 1976: 533].

Основатели семантики как научной дисциплины чаще всего избегают односторонне определять знак и символ, поскольку последние не самостоятельны и обретают жизнь так же, как и текст — при прочтении. Исследователи заостряют внимание на разных основаниях этого процесса восприятия, понимания и, в

итоге, принятия либо непринятия значения. Так, например, Ч.У. Моррис пишет о семиозисе — процессе, в котором нечто функционирует как знак. Процесс подразумевает взаимодействие четырех составляющих:

- того, что выступает как знак — знакового средства или законодателя;
- того, на что указывает (*refers to*) знак — десигната;
- воздействия, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком — интерпретанты;
- непосредственно интерпретатора [Моррис, 2001: 47].

Введение в терминологическую систему интерпретатора предполагает утверждение о разном прочтении знака: «знаки, указывающие на один и тот же объект, не обязательно имеют те же самые десигнаты, поскольку то, что учитывается в объекте, у разных интерпретаторов может быть различным» [Моррис, 2001: 48].

Сами знаки формируют особую знаковую систему, поскольку каждый знак взаимодействует с другими знаками: «только с помощью других знаков может быть сформулировано то, к учитыванию чего знак готовит интерпретатора». Знаки, по Ч. Моррису, связаны синтаксически [Моррис, 2001: 50].

В свою очередь, последовательности знаков образуют язык: «язык в полном семиотическом смысле этого термина есть любая межсубъектная совокупность знаковых средств, употребление которых определяется синтаксическими, семантическими и прагматическими правилами» [Моррис, 2001: 76]. Исследователь имеет в виду не только языковые знаки, представляющие естественный язык, но и другие кодируемые семантические системы. Однако механизм работы разноплановых знаков однотипен: знак социален, «понимать язык — значит употреблять только те сочетания и преобразования знаков, которые не запрещаются употреблением, приняты в данной социальной группе, обозначать объекты и ситуации так, как это делают члены этой группы, иметь, когда используются определенные знаковые средства, те же ожидания, что и у других членов, и выражать свои собственные состояния так, как это делают другие». В этой связи становится понятным, что существование интерпретатора и наличие интерпретанты не являются определяющими факторами, тем более, что интерпретанта оказывается «предрасположенностью реагировать определенным образом под влиянием знака» [Мор-

рис, 2001: 133]. Конвенциональность знака в любом случае доминирует среди его прочих характеристик, а разные, полярные его прочтения скорее являются исключением, чем правилом.

Подобно многим исследователям, Ч.С. Пирс относит символ к одному из типов знаков: «действие символа основано главным образом на установленной по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого. Сущность этой связи «состоит в том, что она является правилом», и не зависит от наличия или отсутствия какого-либо сходства или физической смежности. При интерпретации любого данного символа знание этого конвенционального правила обязательно, и знак получает действительную интерпретацию только потому и просто потому, что известно это правило» [цит. по: Якобсон, 2001: 113–114]. Однако, если принять за данность данное определение, остается неясным, в чем разница символа и знака (тем более, что Ч.С. Пирс относит и все предложения к информационным символам) [Пирс, 2001: 169]. В данном случае, по-видимому, оба понятия синонимичны и могут взаимозаменять друг друга, что не является желательным при анализе текста.

К.И. Льюис выделяет словесные символы, приравнивая их к языковым знакам. «Словесный символ — это опознаваемый образец (pattern) звуков, начертаний, помет, используемых с целью выразить нечто», причем «два начертания или два звука, соответствующие одному и тому же распознаваемому образцу, являются двумя экземплярами (instances) одного и того же символа, а не двумя различными символами» [Льюис, 2001: 228]. Символ абстрактен и, совместно со значением, образует языковое выражение.

Однако, и данная трактовка представляется нам некорректной в смысле разграничения символа и знака, напоминая о классической схеме «единства означающего и означаемого».

По нашему мнению, в разграничении данных понятий важную роль сыграли исследования Ю.М. Лотмана, который подчеркивает, что «символ связан с памятью культуры» [Лотман, 2004: 225] и «в символе всегда есть что-то архаическое» [Лотман, 2004: 241].

Для нас важна следующая характеристика символа Ю. М. Лотманом: «Символ, представляя собой законченный текст, может не включаться в какой-либо синтагматический ряд, а если и включается в него, то сохраняет при этом смысловую и

структурную самостоятельность. Он легко вычленяется из семиотического окружения и столь же легко входит в новое текстовое окружение. С этим связана его существенная черта: символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры — он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [Лотман, 2004: 241]. Таким образом, символ, в отличие от знака, указывает не на единичное, но на целый культурный текст, представленный парадигматически во времени.

Мы можем предположить, что символ с его отсылками на разнообразные, ассоциативно связанные референты, хранится во фреймовой структуре, имеющей, как правило, один сценарий. Символ как «культурный текст» должен быть базироваться на аксиологических основаниях. Следовательно, ядром символа является концепт.

Интересна точка зрения Н.А. Свасьяна: «символ всегда есть знак в аспекте своей морфемы, но не всякий знак есть символ в смысле наличия метаморфемы, хотя всякий знак может стать символом. <...> ... символ, будучи модальной категорией, проявляется в знаке как таковом гипотетически. Символ есть потенция знака, могущая в нем актуализироваться; принципиально же символ несводим к знаку» [Свасьян, 1980: 96].

Таким образом, являясь типом знака генетически, в синтагматическом срезе символ представляет собой образование отличной от знака, более развернутой структуры.

Мы выделяем следующие положения, которые могут быть использованы при анализе художественного текста с позиций семиотического анализа:

1. Знак как составляющая часть процесса интерпретации предполагает существование законносителя, интерпретатора, как правило, конвенциональной интерпретанты и референта. Символ, сходным образом, может быть задействован в акте коммуникации при наличии законносителя, складывающегося из вербальной и иконической компоненты, интерпретатора, конвенциональной интерпретанты и целой сети референтов, сочетание которых образует культурный текст.

2. Знаки представляют стратегию отношений с действительностью в разных ситуациях и чаще всего их вербальная актуализация

зация проявляется в номинации информативного характера или в формах императива. Вербальная жизнь символа являет собой описание идеи, причем с оперированием образными, метафорическими средствами. Без знания знаков, таким образом, прожить сложно: это либо опасно, как при незнании дорожных знаков, либо лишает нас чего-то насущно необходимого. Например, незнание языковых знаков в широком смысле языкового знака закономерно лишает человека коммуникации и даже возможности коммуникации. Незнание символов, как правило, не приводит к подобным результатам, однако, лишает лицо привилегии принадлежать к какой-либо группе людей-носителей особого знания.

3. И знак, и символ могут служить для привлечения внимания. Однако узнавание символа подчас затруднено и зависит от его «предзнания». В случае, если интерпретатор не может расшифровать символ, он останется для него просто знаком, указывающим на некий неизвестный референт. Доступ к культурному тексту в этом случае будет закрыт. «Предзнание» о символе в некоторых случаях может быть дано лишь определенной группе лиц. В романе «Код да Винчи» Софи Неве смотрит на картину «Тайная вечеря» и не может увидеть древний символ Грааля. Символ, таким образом, можно и не заметить, он, подобно сфинксу, охраняющему текст, может к тому же дополнительно охраняться носителями элитарного знания.

4. Знак и символ в языковом плане представляют разные типы отношений с определяемым референтом. Например, существует принципиальная разница между выражениями «роза как знак любви», означающее отношение к конкретному лицу, и «роза как символ любви», имеющее отношение к абстрактной идее. Знак и символ в этом смысле могут быть описаны как частное и общее, причем при этом условии прочтение знака зависит от знания символа. В качестве иллюстрации, если бы та же роза была символом войны у какого-нибудь народа, то наш подарок розы вождю народа был бы воспринят как знак объявления войны.

Под знаком, таким образом, мы понимаем единицу любой семиотической системы, указывающую на референт; под символом — основанный по законам знака шифтер переключения на абстрактную идею, представляющую сеть референтов, закодированных в культурный текст; под значением — «представление, возникшее в сознании благодаря знаку».

Знаки различного порядка и символы часто служат репрезентацией концептов.

Методика анализа художественного текста с целью выявления его концептуальной структуры и определения потенциала влияния данной структуры на концептосферу читателя предполагает следующие ступени:

1. Определение «внутритекстовых коммуникантов» и их коммуникативных ролей, выявление роли реципиента/интерпретатора в диалоге с текстом.

2. Определение коммуникативных стратегий коммуникантов и их структуры.

3. Выявление доминирующих концептов текста через лексические (включая компонентный анализ сем), стилистические, графические, иконические средства репрезентации.

4. Выявление структуры фреймов концептов и их возможных сценариев.

5. Определение ключевых символов темы, репрезентирующих концепты, и их места во фреймовой структуре.

6. Анализ особенностей пресуппозиции в синтаксисе выделенных ключевых предложений — высказываний, являющихся основными средствами прямого воздействия на читателя/реципиента/интерпретатора. Ключевые высказывания, повторяющиеся по тексту и наполненные ключевыми символами, относящими нас к определенным концептам, высвечивают стратегию текста, входящего в определенный дискурс, который, в свою очередь, переходит через интертексты в область инфосферы. Текст в этом случае мы определяем как связную совокупность высказываний, а дискурс «как такое расширение, при котором выявляется и подчеркивается помимо линейного расширения («on line») его парадигматический аспект («off line»)» (Степанов, 2001: 36), то есть дискурс выступает как картина мира, создаваемая посредством данного текста.

7. Анализ возможности перехода интерпретатора в новую инфосферу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 576 с.

2. *Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2004. — 512 с.

3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.
4. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1976. – 720 с.
5. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб: «Искусство – СПб», 2004. – 704 с.
6. *Льюис К.И.* Модусы значения // Семиотика: Антология. – М.: Академический Проект, 2001. – С. 227–241.
7. *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 440 с.
8. *Моррис Ч.У.* Из книги «Значение и означивание». Знаки и действия // Семиотика: Антология. – М.: Академический Проект, 2001. – С. 129–144.
9. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. – СПб: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
10. *Пирс Ч.С.* Из работы «Элементы логики. Grammatica Speculativa» // Семиотика: Антология. – М.: Академический Проект, 2001. – С. 165–226.
11. *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 543 с.
12. *Свасьян Н.А.* Проблема символа в современной философии (критика и анализ). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980. – 226 с.
13. *Степанов Ю.С.* В мире семиотики // Семиотика: Антология. – М.: Академический Проект, 2001. – С. 5–42.
14. Новейший философский словарь. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
15. Философский словарь. – М.: Изд-во политической литературы, 1968. – 432 с.
16. *Юнгер Ф.Г.* Язык и мышление. – СПб: Наука, 2005. – 302 с.
17. *Якобсон Р.* В поисках сущности языка // Семиотика: Антология. – М.: Академический Проект, 2001. – С. 111–126.
18. *Minsky M.* / M. Minsky // Afterword to Vernor Vinge's novel, «True Names». – <http://web.media.mit.edu/~minsky/papers/TrueNames.Afterword.html>.